

Девочка для генерала

Автор:

Марина Кистяева

Девочка для генерала

Марина Анатольевна Кистяева

Я сбила человека, и теперь мне грозит срок за непреднамеренное убийство. Но что-то пошло не так... В следственном изоляторе меня едва не изнасиловали. Спасло чудо. Или то, что я до сих пор была невинной? И почему всплыло имя некого Генерала? Меня доставили к нему. Ни адвоката, ни судьи... Только он и его прожигающий взгляд. Это история принуждения и любви. Жестокости и прощения. Падения и взлета. Это моя история.

Марина Кистяева

Девочка для генерала

Пролог

Дед Семен не верил в привидения.

И в байки, что на трассе между Шемушейкой и Андрисовкой водится привидение невесты – тем более. Чушь всё это. Брехня. Бабам нечего делать, вот и придумывают небылицы. Нет чтобы делами заняться...

Но невольно вздрогнул, когда в прожекторах фар высветилось белое платье.

Дед моргнул.

Что за бред? Привидится...

Нет, не привиделось. На обочине, рядом с которой он проезжал, лежала девушка в белом платье.

Неужто невеста?

Дед Семен с грохочущим сердцем проехал мимо.

Прочь! Прочь!

Проехал метров двадцать, не выдержал и остановился.

Не по-людски оставлять человека в беде.

И не привидение это вовсе. А девушка.

Попавшая в беду.

Он сдал назад.

Ехал и себя ругал. Вот надо... Надо!

И смалодушничал как бы и помощь человеку оказать надо.

Дед Семен остановил старую «семерку» и вышел.

Подходил к девушке-призраку осторожно. Восьмой десяток разменял, не до лихачеств.

Нагнулся:

– Эй, ты живая?

Признаков жизни девушка не подавала.

Дед осторожно дотронулся до плеча, перевернул девушку и в сердцах выругался.

- Да кто же тебя так, милая?

Девушка была избита, и сильно. Лицо опухшее, из-за побоев не видно черт, но отчего-то дед Семен не сомневался - красивая.

Платье у неё не подвенечное вроде бы. С другой стороны, поди, разбери нынешнюю молодежь, кто в чем выходит замуж.

Тут же белое, ниже колен и как бы на первый взгляд простое.

В крови.

- Охо-хо... Давай-ка вот так...

Дед, кряхтя и поминая недобрым словом свои болячки, кое-как приподнял девушку. Она застонала.

- Жива, милая... жива... Ничего, сейчас мы тебя домой... А там уж разберутся...

Пришлось потрудиться, чтобы доволочь девушку до машины. Несколько раз деду Семену казалось, что он ненароком и сам её об асфальт ударял, но тут уж, как говорится, не до сантиментов. С дороги её убрать надо.

Мало ли...

Пока дед Семен ехал к себе в дом на краю деревни, всё смотрел в заднее окно.

Лежала кулем. Как положил, не шелохнется.

Лишь иногда стонала.

Плохо дело.

Как бы ни померла у него в машине.

Потом поди, разберись, кто прав, кто виноват.

Хорошо, что до дома оставалось немного.

Следующая задача – занести её.

Эх, был бы он годков на двадцать хотя бы помоложе... А если и на все тридцать... Потаскал он в своё время девок на руках. И на сеновал, и на палати. Было дело, было.

– В какую же ты дрянь встряла, деточка?

Даже сквозь синяки было понятно – красивая. Уложенная. Волосы вон как блестят.

Может, в машине её оставить?

Нет, не дело.

Будет затаскивать.

Дед Семен справился с поставленной задачей.

А рано утром, только-только забрезжил рассвет над рекой, у его дома остановились два черных джипа с наглухо тонированными стеклами.

Глава 1

Катя старалась не плакать.

Нельзя.

Хватит.

Сегодня она пойдет на допрос к Потапову, а он её...

Она даже слов не могла подобрать. Знала, что если скажет что-то не то, проявит лишнюю эмоцию, её сразу же едва ли не пинком, заламывая руки, отправят в камеру.

В лучшем случае.

В худшем...

Его сальные глаза слишком часто останавливались на её груди. Да и намеки уже не были намеками.

Поэтому крепилась, как могла.

Ждала адвоката. А тот что? Развел руками.

- Ваша вина, Екатерина, полностью доказана.

- Да там и доказывать ничего не надо... Я во всем призналась.

- Непреднамеренное убийство.

- Дождь был... И он вылетел...

- Екатерина Викторовна, я всё понимаю, - устало говорил её адвокат, а ей хотелось кричать.

Выть.

Биться о стену.

А что толку...

Ей грозил срок за непреднамеренное убийство.

Всё.

Ей хотелось бы понять адвоката, что заходил к ней с безразличным выражением на лице и уставшими глазами. Он защитник от государства, работает за копейки. И таких как она у него несколько десятков. Лица пустые, незапоминающиеся, с одними и теми же историями и словами: «Невиновен... невиновна...» Для него – это работа. Для тех, кто сидит напротив стола – жизнь. Потерянные годы.

Катя держалась, как могла.

Она-то как раз понимала и полностью осознавала свою вину, только легче от этого не было.

Хуже, намного хуже...

Она убила человека. Раз.

Сядет – два.

Ей ещё повезло, в камере она сидела одна. Маленький плюс в бесконечной череде минусов.

Лязгнул замок, заставивший Катю вздрогнуть и сжаться от испуга. От надвигающейся беды.

– Тарасова, на выход, – проскрежетал равнодушный голос конвоира.

Странное предчувствие не покидало Катю с утра – сегодня что-то будет. Случится. Плохое.

Тот же Потапов. Когда она уходила от него два дня назад, он так мерзло улыбался.

– Что у тебя там с медицинскими анализами, Тарасова? – его вопрос настиг её, когда она стояла у двери.

Катя замерла, саму холодный пот прошиб.

Обернулась и тихо спросила в ответ:

– А причем тут мои меданализы, Егор Васильевич?

Сальные глаза снова остановились на её груди.

– Да так.

Она не могла видеть его руки, находящейся под столом. Но отчего-то ей показалось, что он поправил ширинку. Она могла, конечно, ошибаться, но его взгляд скользкий, мерзкий прилип к её коже.

Между ними тогда повисла пауза. Тяжелая, неприятная.

Катю отвели в камеру, и она, не спавшая уже несколько суток, вообще не сомкнула глаз. Ей всё казалось, что сейчас явится Потапов и начнет её насиловать. Катя говорила себе, что они живут в правовом государстве, что не могут люди в погонах беспределить. То время прошло... Сейчас можно написать жалобу в прокуратуру и...

Кого она обманывала?

Катя накрутила себя до предела.

Поскорее бы суд и колония.

Она стояла на негнущихся ногах. Вчера её отводили мыться. Холодной водой.

А ещё её осматривали. Врач. Хорошо, что женщина. Осматривали тщательно.

- Девственница что ли? – пробубнила она, недовольно сводя брови.

- Да, – глухо бросила Катя, краснея от стыда и морщась от боли. С ней не церемонились.

- Твою же мать... Детка, ты охренела?

Катя опешила, услышав подобное заявление от медицинского сотрудника. Женщина была в возрасте, около шестидесяти, не меньше. С прокуренным голосом, но вполне миловидная.

- Простите?...

- Ты понимаешь, куда попала? Мля, ты хоть бы нормального мужика попробовала бы! А тут... Не, я хренею! Реально девочка... Тебе сколько годков?

- Двадцать.

- Твою же мать... Девочка, ну держись. Жалко мне тебя. По-бабьи.

Катя выпрямила спину и постаралась выдать искреннюю улыбку.

- Я верю, что всё будет хорошо.

- Верь, деточка... Верь. Потому что только чудо... – она замолчала. – Если узнают наши... Они же, черт, ставки будут делать, кто тебя... А не указать в доках я не могу.

Именно в тот момент Кате стало по-настоящему страшно. До тех слов она ещё до конца не осознавала, что ей грозит и что предстоит испытать.

* * *

Вопрос Потапова про медицинские анализы тоже был неспроста. Капитан всё знал. Катя была уверена на сто процентов.

И её вели к нему.

Зачем? Вот в чем соль вопроса.

Она дала показания и не раз. Рассказала всё подробно обо всем. Всё признала.

И снова её вызывали.

Катя говорила себе, что с ней ничего плохого не сделают. Не имеют права. Если только пальцем тронут, она на суде всё скажет. Расскажет подробности, а дальше...

Стоп, Катя. Она оборвала поток истеричных мыслей, приподнимаясь и направляясь к двери.

– Руки.

Конвоир был молодым. Кате отчего-то казалось, что с ней должны работать женщины. Не мужчины. Или это в колонии уже одни женщины? Да и то сомнительно.

Сглотнув застрявший в горле ком и шатаясь не то от усталости, не то от осознания полной незащитности, Катя встала спиной к конвоиру и сложила руки. С ней обращались, как с преступницей. Да, она, наверное, такой в их глазах и была... Но, черт возьми, она же не сознательно! Она...

– Пошли.

Её негрубо толкнули в плечо.захотелось зашипеть от боли и обиды. Никакой человечности, нормального отношения.

В первые сутки Кате намекали, что, если у неё есть деньги или те родственники, которые готовы прийти и заплатить, будет всё иначе. Будет другой адвокат и опера более лояльные. У Кати никого не было. Все деньги, что копились

несколько лет, она потратила на машину, которую и разбила.

На которой и сбила человека.

У неё ничего не осталось.

– Звонить кому-нибудь будете?

Качнула головой.

– Одна что ли?

– Одна.

– О, как даже интересно, – и Потапов пометил карандашом в папке.

Зачем?

Одни вопросы, на которые ей никто не собирается давать ответы.

Ей даже одежду сменную не дали. Да, наверное, и не положено. Она кое-как застирывала трусики, и надевала их прямо мокрыми. Хорошо, что на ней было платье, проветривалось, и они относительно быстро сохли. Но у Кати уже начало покалывать внизу живота. Скорее всего, придатки. Ей только воспаления не хватало. Но другого выхода оставаться хотя бы в интимной зоне относительно чистой не было.

Когда её вывели из камеры, она напряглась сильнее. На улице темно, маленькое окно, что находилось через три метра от её камеры, показало, что наступили сумерки. Разве допросы оперативники проводят на ночь глядя? Время нерабочее.

Ещё один нюанс, что пугал и навевал неприятные мысли. Настораживающие.

Катя шла, переставляя ноги. Ей нельзя размякать и показывать слабость. В полиции работаю люди, которые с годами становятся чёрствыми к проблемам

других. Иначе – никак. Сама система не подразумевает слабых. Тут рулит сила и безучастность. Нельзя каждую историю пропускать через себя, долго не выдержишь.

Но как же хотелось сочувствия! Маленькой толики понимания. Чтобы взбодриться, поверить в лучшее, не вгонять себя в пучину отчаяния.

– Руслан Анатольевич, сюда, пожалуйста...

Мужские голоса раздалась из-за угла, и они показались Кате чем-то нереальным и очень далеким. Если разобраться, то она запоздало подметила, что в здании тишина. Наверное, не вечерело, а дело близилось к ночи. А этот Руслан Анатольевич важная шишка, раз его провожают и обращаются с такой учтивостью.

Проверка вышестоящих чинов? Опять же в такой час? И когда большинство, если не девяносто процентов работников, разошлись по домам? Странно.

Катя, услышав приближающиеся шаги, подняла голову.

Как раз чтобы увидеть, как по другому коридору идут трое мужчин. Два конвоира и... заключенный.

Хотя последнего заключенным назвать язык не поворачивался. Катя замерла. Невольно. Как впрочем и конвоир, что шёл не сзади, а сбоку от неё. Краем глаза она даже отметила, что он вытянулся. Казалось, ещё мгновение, и честь отдаст.

Такое возможно?

Потом Катя обратила внимание не на другого заключенного. А тоже на конвоиров. Они держались обособленно, словно подходить к нему не решались. На дистанции, не нарушающей личного пространства. Не менее четырех шагов. На их лицах не было озлобленности, скучающего выражения или наоборот циничного. Катя уже видела такое. Здесь же иное. Лица сдержаны, сосредоточены. Даже немного испуганы. Бред, конечно, и всё же...

Катя перевела взгляд на заключенного.

Лучше бы она этого не делала.

– Руслан Анатольевич, – к нему обратился её конвоир, тем самым привлекая внимания к ним и невольно заставляя его посмотреть в их сторону.

Первое, что бросилось в глаза Кате – рост и осанка мужчины. Военная выправка, широкие плечи, мощные. Идеально белая футболка обтягивала их, не скрывая, а напротив, подчеркивая силу и рельеф. Отчего-то мелькнула ещё одна мысль, что тут большая заслуга не спортзала. Что сила и мощь мужчине дана от природы, а он умело пользовался материалом, развивал, усиленно работал над собой. Чтобы не быть слабым. Ни в коем случае.

Рост не менее метра восьмидесяти пяти. Такой же мощный торс, бедра, обтянутые льняными брюками. Упругие ягодицы, подтверждающие её предположения о любви мужчины к спорту. Длинные ноги.

На лицо Катя посмотрела в последнюю очередь. Видимо, инстинкт самосохранения, обострившийся в стрессовых экстремальных условиях, хотел её поберечь. Тщетно.

Когда девушка слышит или читает фразу «высеченное из камня», то не придается смыслу особого значения. Расплывчатое и больше непонятное, без определенности. Теперь Катя в реальности столкнулась с человеком, глядя на которого невозможно применить другое описание. Именно высеченное. Резкое, по-мужски суровое. И в то же время красивое. Высокие скулы, широкие брови, глубоко посаженные глаза. Нос с горбинкой, не то ли от рождения, не то ли от полученных ранее травм. Жесткая линия губ. Тяжелый подбородок, заросший небольшой аккуратной бородкой или запущенной щетиной. Но запущенность и этот мужчина никак не сочетались. Скорее, первое.

Кате надо было отвернуться. Это она потом поймет, намного позже. Не когда холодные, как сталь, глаза остановятся на ней.

Мазнут, вроде бы секунда-две. Даже не задержатся толком.

А Катя на всю жизнь запомнит эти сумасшедшие, совершенно не поддающиеся логике ощущения. словно её просканировали всю, от головы до пят. Да что тело... Её душу. Взяли, бесцеремонно вынули и сжали в кулаке. Крепко. Катя

моргнула и перевела взгляд за спину мужчины. На те самые руки. Тоже сильные, и, кстати, сжатые в кулаки. Широкие кожаные браслеты на обеих руках, поверху – наручники. Надеть на этого мужчину наручники – все равно что посадить тигра в клетку... и забыть закрыть дверь.

* * *

Он выйдет, найдет обидчика и не оставит после себя ничего. Ни единого следа.

Он производил ошеломляющее впечатление. Даже на Катю, для которой мужчины никогда не играли особо важной роли в жизни. Не то, чтобы они ей не интересовались или она ими... Некогда было.

Этот же оглушал. Да, именно так. От его мощной, впечатляющей фигуры исходила столь сильная аура подчинения, властности, что невольно пробирала дрожь. Кто он? И почему находится в полиции, в наручниках? Такие руководят и отдают приказы. И пусть побережется тот, кто решит не подчиниться.

Катя сглотнула и отвела взгляд в сторону. Хватит. Насмотрелась. У самой проблем столько, что не разгрести, а она неприлично пялится на другого человека, также попавшего в беду. Хотя опять и не скажешь, что он попал в беду. Скорее, остерегались те, кто его сопровождал.

– Руслан Анатольевич... там ждут, – Катя заставила себя не смотреть на чужих конвоиров, но не могла не отметить почтение и сдержанность говорившего.

Не прост новый осужденный.

А ещё в голове прозвучал тревожный звоночек. Назойливый. Странное ощущение дежавю подкралось к девушке. Откуда оно? С чем связано? С мужчиной – точно. И как? Такое чувство, что она где-то его видела, пусть и мельком, мазком. Катя мысленно одернула себя. Посидит ещё в камере с неделю, и не такой бред будет мерещится.

Мужчины больше не задерживались, последовали дальше по коридору.

– Что встала? Пошли, – очнулся от небольшого ступора и её конвоир.

Потапов был пьян.

Стоило Кате переступить порог его кабинета, как она поняла, что интуиция её не подвела.

– Катееериина, – нараспев приветствовал её товарищ капитан.

За Катей с тихим хлопком закрылась дверь, отрезая её от внешнего мира. Наручники с неё никто не снял, хотя раньше всегда расстегивали.

Егор Потапов в одной рубашке сидел за столом. Китель висел на спинке кресла. Руки, переплетенные пальцами в замок, лежали поверх стола на каких-то бумагах.

– Добрый вечер, Егор Васильевич, – негромко произнесла Катя, по-прежнему стоя около двери.

Пройти её не приглашали.

Потапов посмотрел на неё, усмехнулся и вальяжно откинулся на спинку кресла. Вроде бы и красивым мужиком был Потапов, но Катя не могла отделаться от ощущения какой-то подсознательной брезгливости. Прямоугольный подбородок с дневной синеватой щетиной, тонкие губы, по-мужски крупный нос, брови вразлет. Глаза темно-синие, обрамленные густыми ресницами. Широкий нос. Черные волосы, в которых нет-нет да проскальзывала начинающая седина. На вид Потапову можно дать лет сорок-сорок пять. Ещё молодой мужчина. А вот руки Кате не нравились даже больше его глаз. Не проходящие ссадины на сбитых до крови костяшках наводили на нехорошие мысли, пугающие. До дрожи, до скручивания в животе, да и воспаленный, усталый и измученный мозг подкидывал одну картинку «краше» второй.

Катя была выжата, как сухой лимон. Морально и физически. Она уже не понимала, чего от неё хотят, потерялась во времени. Где-то осталась зацепка, что с ней происходит что-то неправильное, да и её дело ведут как-то сумбурно. Она, конечно, ничего не понимала в оперативных делах, расследованиях, обвинениях, но эта мысль её не отпускала.

– Проходи, Катерина. Присаживайся на... диван, – сказал Потапов и недобро усмехнулся, складывая руки на груди.

Да, точно пьян. Глаза помутнели, волосы растрепаны, да и запах алкоголя в кабинете присутствовал. Катя не пила, поэтому остро реагировала на спиртные пары.

Ничего не говоря, стараясь не смотреть на капитана, прошла на небольшой кожаный диван. Села.

Сидеть с заведенными за спину руками было некомфортно. Но она тешила себя иллюзией, что раз ей не сняли наручники, значит, разговор будет коротким.

Наивная.

– Что скажешь, Катя?

От мужского сального взгляда бросало в холодный пот. Если ранее на допросах Потапов хоть и окидывал её заинтересованным, нет, даже похотливым, взглядом, но опять же, мельком, из-под опущенных ресниц, сегодня вечером все маски и ширмы были сброшены.

– Я уже всё вам сказала, Егор Васильевич, – спокойно, немного отстраненно ответила она.

– Даааа... Сказала. Ты вообще очень покладистая девочка.

А вот и переход на «ты».

То, что недопустимо.

Катя снова постаралась не реагировать на провокацию.

Сидеть и молчать, пока не спросят.

Кричать и звать на помощь смысла не было.

Её привели к Потапову, потому что вызвал.

Для чего?

На этот вопрос лучше не отвечать.

Как и не вспоминать слова врача, что осматривала её.

«Девочка, ну держись. Жалко мне тебя. По-бабьи... Если узнают наши... Они же, черт, ставки будут делать, кто тебя...»

Катя не считала себя глупой, но додумывать, почему врачу стало её жалко, не желала.

Изнасилование – меньшее из бед, что свалились на неё за последнюю неделю.

Про то, что будет на зоне, она даже думать не могла.

– Простите? – ей всё же пришлось посмотреть в его сторону.

Потапов усмехнулся.

– Ну-ка, задери подол, Катерина. И покажи мне свои трусики. Знаешь, ни разу не видел трусики на целке. Они уже высохли, Катерина? Или они у тебя ещё мокрые после стирки?

Глава 2

РУСЛАН

– Мля, как же задолбали эти телевизионщики. Когда они угомонятся?

– Когда я сяду.

– Ну-ну, пусть мечтают.

Шарапов подошел к нему, достал из кармана незаметно переданные конвоиром ключи и открыл наручники. Руслан приглушенно выругался и потер запястья. Боли не было, неприятно.

– Ну, здравствуй, брат.

– Здравствуй.

Мужчины обнялись, похлопав друг друга по плечам.

– Рус, придется тебе здесь проторчать дня два. Извини, никак. Завтра снова, сука, нагрянут с проверкой. Нужен ты. Иматов не подойдет.

Руслан коротко кивнул, вернулся к креслу, сел и вытянул ноги.

Его выдернули два часа назад. Позвонил Шарап и сказал, что ребята уже выехали. Руслану и собираться не пришлось – он был наготове. Ему уже сообщили, что готовится новая волна репортажей о коррупции в верховных слоях власти. Его сто процентов приплетут.

Руслан Коваль зло оскалился. Да, пожалуйста, мать вашу, приплетайте, сколько влезет. Трепите по «ящику», что толку-то? Опять засрут народу головы, перед выборами всем расскажут, какая власть хорошая, как она борется с казнокрадством и прочее бла-бла. Пройдут выборы, и снова всё встанет на круги своя.

– Иматова пока закрой. Денег его семье ребята завезут.

– Как скажешь. Выпить будешь?

– Давай.

– Сигару?

- На хрен. Бросил. И тебе советую.

Шарап невесело усмехнулся.

- Бросишь тут, с этой работой. На пенсию выходить надо.

- Пенсия? Ты смеешься? Где ты и где почтенные граждане на заслуженном отдыхе? Шарап, тебе ещё пахать и пахать.

Мужчины коротко засмеялись, хотя обоим было не до смеха.

Предстояло решить несколько серьезных рабочих процессов, да и кое-какие проблемы нарисовались. Требовалось вмешательство Ковалю.

Начальник полиции подошел к шкафу, открыл дверцу, достал коньяк и два бокала.

- Закуску сейчас организуют.

- Давай по одному, и я пойду в камеру. Лучше туда всё.

- С чего это ты?...

- Вопросы завтра порешаем.

- Не в духе?

- Слабо сказано.

- Значит, нужна девочка.

- Значит, нужна, - серые глаза Руслана опасно блеснули.

Чем хороши давние знакомства - тем, что знаешь друг друга, как облупленных. Предпочтения, настроения. Они с Шараповым были не просто хорошими знакомыми, почти братьями, не по крови, а по духу. Много прошли, много

пережили. Работали не над одной операцией. Кому, как не Володе, знать, что когда он зол, когда на пределе, когда готов крушить мебель и выбивать из кого-то дух, ему нужна женщина. Покладистая и на всё готовая.

Об этой прихоти Генерала знал не только Шарапов. Многие. Особенно те, кто попадал с ним в горячие точки. Когда кипение возрастало до максимума, когда у многих срывало крышу, а кровь лилась, Генерал трахался. Всегда и везде. Кому наркота, кому алкоголь, ему женщины. Темные, светленькие, худышку, пышечки – всё одно. Была бы мягкая плоть, в которую можно врезаться до озверения, до полного обнуления, чтобы в голове звенело от пустоты. Чтобы ни одной мысли не осталось, чтобы пах ныл от дичайшего удовлетворения.

Первое время молодые скалились. Мол, а чего это дают бабы Генералу? Потом, познакомившись с ним поближе, умолкали. Вообще ничего не говорили при его приближении, только коротко и по существу, если он спрашивал. За его спиной – тем более. Здоровье у всех одно, и зазря его растрчивать никому не хотелось. Генерал выпускал пар не только с девочками. Под его тяжелую руку попасться было чревато последствиями.

Руслан в большинстве случаев не помнил ни лиц, ни тел тех, кого брал. Он был всеяден. До определенного времени. Одна, вторая, третья... На войне все хороши. Единственным табу долгие годы было лишь одно – в эту определенную ночь секс только с ним. А так... Да какая разница?

Это сейчас он уже выбирал. Когда шутовское прозвище Генерала перешло в звание. Правда, скорее всего, его лишат... Но опять же, не в этом дело.

Дело в сегодняшней ночи. И в праве выбора.

В злости, агрессии, что искала выхода, била по мозгам. Душила изнутри.

Он снова будет вынужден провести время в камере. Пусть и в той, куда простым смертным вход заказан. Где есть относительно удобная постель, плазма, душевая. Собственная мини-кухня. И куда привезут еду из лучших ресторанов столицы по его выбору.

Но этого мало. Мать твою, ничтожно мало.

Его взяли, как сопливого юнца. Кто-то слил информацию. Кто – уже выяснили.

Осталось только его найти.

Найдут.

Ещё до суда...

А пока Ковалю приходится вести замкнутый образ жизни, надо себя развлекать.

Чем – вопрос отпадал. Вернее, кем.

Подруга, что была при нем, и которую он содержал полностью, не подходила. Клубная девочка, тусовщица. За что он её держал при себе последние полгода, за то, что умудрялась выдерживать его темп, могла с ним трахаться несколько часов подряд. И так изо дня в день. Он мог заявиться к ней в любое время суток, и она всегда была готова. Услужит, ублажит. Единственный и самый её большой недостаток – глупа. В прямом смысле. Шмотки, ночная жизнь, спа-салоны. Всё. Больше ничего её не интересовало. Ну да, конечно, и секс.

Коваль её сразу вычеркнул. Вика в прошлом. Нужны девочки-однодневки.

Прежде чем сделать Вику постоянной любовницей, он её проверил. До него три партнера. Как она умудрялась не отсасывать в клубе – ещё одна загадка. Хотя тут и гадать нечего. Матушка её, тоже из бывших содержанок, натаскивала единственное чадо, что мужчин стоит выбирать аккуратно. Вот Вика и выбирала.

С недавних пор для Руслана в приоритете стали чистые девочки. Не шалавы. Если уж на крайний случай, когда совсем прижмет.

Как сегодня.

Но Шарап знал, что он будет ночевать на его территории.

Подготовился. Сто процентов.

Хотя у самого Руслана уже имелись предпочтения.

Он знал, кого будет иметь через час. Максимум два.

Ту, что повстречал в коридоре. С заведенными за спину руками. С грудью, что обтягивало выдавшие лучшие времена платье.

* * *

Солдаты не знают слов любви. Чувства не для них. Только страсть. Хотя нет, лучше сказать, животная похоть. Страсть это тоже что-то из личного. Из запретного. Что не позволено им. Слишком большая роскошь. Именно то, что невозможно купить за всё то бабло, что они зарабатывают. Кровью и потом. Многочасовыми тренировками и переговорами. Отсылая своих парней на войну.

Похоть – другое дело. Вставил, наклонил, развел.

Забыл.

Всё.

Ничего лишнего. Ничего ненужного.

И дальше – работать. Вкалывать, как проклятый, просчитывая комбинации. Свои, чужие. Двадцать пять часов в сутки.

Постоянное напряжение. Особенно, когда достигает определенных высот.

В случае с Русланом – не просто определенных. Заоблачных. Для многих – недостижимых.

В тридцать восемь лет просто так генералами не становятся. Это понятно каждому, кто имеет мало-мальски отношение к их структуре. Тем более, в специальных войсках.

Он – стал. Как? Другой вопрос. Отвечать на который он никому не намерен.

Его распирало от злости. От негодования. Хотелось бить, крушить. Убивать.

Последнее тоже. Если бы сейчас ему отдали суку, что слила инфу, он бы его резал. Всю ночь.

Парни, что вели его, знали – лучше не трогать. Слова лишнего не говорить. Сорвется.

Проходили...

Тогда сам Шарап оттаскивал его от зарвавшегося юнца. Бывает, что тут скажешь.

– Будет. Нешалава.

– Да всё ты знаешь, Владимир Николаевич, ко всему готов, – усмехнулся Руслан, принимая стакан из рук друга.

– Тут ко всему будешь готов. Видел девочку?

Руслан напрягся.

– Какую?

– Рус...

– Видел.

– Девственница.

– Да ну на х...

– Да.

Руслан подался вперед, молча опрокинул в себя янтарную жидкость, даже не поморщившись.

- Спецам показал?

- А вдруг...

Шарап повторил его движения, выпил.

- И где она сейчас?

- У Потапа в кабинет.

Коваль откинулся на спинку кресла.

- Значит, у Потапа.

Он терпеть не мог эту сволочь. Но сволочь нужную, исполнительную. За последние качества Шарапов и держал его в своем отделе. Такие, как Потапов, пригодятся везде. Кто-то должен делать грязную работу. Капитан был исполнительным сотрудником, порой чересчур.

Как только Руслан увидел девочку, он сразу понял, что для него. Этакая демонстрация товара. В прошлый раз, после драки с бойцом, он покрушил немного камеру. Ему прислали девочку, а на той пробы некуда ставить. Думал, прибьет всех. Володю выдернул из койки.

- Дай мне нормальную.

- Да твою же мать, Генерал. Раньше тебе по херу было, кого трахать.

- Сбавь тон, Володь. И дай мне относительно нормальную.

- Девственницу что ли? Так они с девятого класса сейчас!

- Можно и девственницу, - тогда он пошутил.

Неужели Шарапов воспринял его слова всерьез? Или совпадение?

Девочка была хороша. Маленькая, ладная, платье приличное, когда-то было. Любил Руслан девочек в платьишках, а ещё длинноволосых. Чтобы волосы можно было собрать в кулак, намотать их, взять дополнительный контроль над девочкой.

Его.

Что не понравилось – взгляд и само выражение на лице. Обреченность с усталостью. Смотрела, словно сквозь него.

Он слишком хорошо знал этот взгляд. Слишком.

Он выжег в его душе шрам. Незаживающий, всегда кровоточащий.

Генерал ненавидел подобный взгляд.

Никто, черт побери, на него не должен так смотреть! Тем более красивая девочка!

Которая должна течь под ним, умолять. Стонать.

Но не смотреть на него ТАК.

Девственница, значит...

Как интересно.

Он сотрет это выражение с её глаз. Уберет.

Своим присутствием в её жизни. Грубыми ласками. Приказами.

Никто больше не будет на него ТАК смотреть...

– Давай её. Вытаскивай от Потапа, пока он мне её окончательно ни зашугал. И, вообще, Шарап, ты какого ему девок доверяешь?

– Остальные опера заняты или в командировках. Он да Деза остались. Поэтому...

Мужчины переглянулись. Лишних слов не потребовалось.

* * *

У Кати что-то оборвалось внутри. Резко. Словно кто-то невидимый взял гигантские ножницы и обрезал то, что принято называть надеждой. Жестоко и уверенно, натруженными руками палача.

– Вы следите за мной, – она не спрашивала.

– И что? – капитан оскалился. – И что? А? Есть какие-то претензии? Предъявы? Да, слежу. Почему бы и нет? Знаешь, сколько целок я тут повидал у себя? Не поверишь, ни одной! Малолетки и те с порванными дырками.

– Как вы со мной разговариваете, – Катя старалась не дергаться, не делать лишних движений. Нельзя будить зверя в этом недочеловеке. – Вы не смеете. Я требую, чтобы...

– Рот закрыла, сука, и ноги развела.

Она всё-таки его разозлила. Потапов подался вперед, потом ударил раскрытыми ладонями по поверхности стола и поднялся. С запозданием Катя поймет, что дело не в ней. Она, как способ спустить ярость на кого-то. Но почему она? Что она сделала плохого Егору Васильевичу? Ответ был на ладони – ничего.

Просто они оказались по разные стороны. Она обвиняемая, почти осужденная, а он в этих серых мрачных стенах царь и повелитель. Тот, кто возомнил себя вершителем судеб. Мелкий человечиска, которому дали право унижать и давить. Ломать.

Понравилась она мужику. Своими огромными глазами, волосами цвета зрелой пшеницы, что манили, и хотелось дотронуться до них пальцами. А нельзя. До такой красоты. И Потапов чувствовал себя грязным! Он вот этими руками, сука, столько раз бил по мордам разным преступникам, гнидам, что портили жизнь окружающим. Они запачканы кровью. Он запачкан кровью. И тут девочка с золотыми волосами.

Он хорошо помнил, как её к нему доставили. Зашла, всю трясет. В огромных глазищах застыли озера слез. Потапов не был романтиком даже в юношеские годы, а тут его прибило, приложило к земле так, что не разогнуться. Он даже не понял, что с ним. Адреналин резко скакнул в крови, да сердцебиение участилось. Казалось, с её приходом в душном кабинете повеяло свежестью.

Катерина Тарасова плакала, рассказывала, как сбила человека, и совершенно на него не смотрела.

Нет, она, дрянь маленькая, смотрела, но, как на опера. Как на мебель. Как на нечто отстраненное. А Егору Потапову хотелось, чтобы она видела в нем мужика. Мужчину, что способен защитить её, уберечь.

Мать вашу, он тот, кто способен превратить её жизнь в ад ещё до суда! Или, наоборот...

Потапов сходил с ума. Уже неделю. Коршуном сидел над её делом, перечитывая раз за разом показания её и ДПС-ников, что прибыли на место аварии. Он уже продумывал ходы, как ей помочь. Он может...

Катя же начала дурить. По-черному. Шарахалась от него, как дура. Стоило ему только подойти к нему, напрягалась, вытягивалась, как струна. Нет, чтобы ласково улыбнуться. Да он за её улыбку порвет кого угодно.

А она, дрянь мелкая... целкой оказалась.

У него глаза на лоб полезли, когда прочел заключение врача. На хер, быть такого не может! Сколько ей лет? Двадцать! И целочка?

В душе капитана Потапова что-то перевернулось. Пришёл домой, накричал на жену, помылся, лег спать, а сна нет. Перед глазами Катя в белом кружевном белье на черном шелковом покрывале. Лежит, маленькая, его ждет. Ножки чуть раскинуты в стороны, белое кружево ничего и не скрывает. Расщелина сладкая, к которой ни один мужик не прикасался, поросль таких же золотистых волос, полюбому мягких на ощупь. Егор ни одной бабе не делал куни, никогда не целовал там даже жену, к которой, как он считал, относился хорошо и по-своему любил. А Катю вылизал бы. Как зверь. Лизал бы долго, остервенело, а она бы кончала ему в губы раз за разом.

И лишь потом бы он её взял.

А потом снова лизал бы...

Потапова трясло от вожделения, от страсти. Набросился на жену, повернул её к себе спиной, чтобы лица не видеть, вжал голову в подушку и вошел в неподготовленную. Утром она пыталась возмутиться, он рывкнул на неё. Разревелась, ушла с кухни. Он, психанув, даже не стал завтракать. Ушёл из дома, громко хлопнув дверью.

К ней... Скорее...

Правда, через пару часов остыл, перевел жене на карту деньги. Пусть побалуует себя.

Он поставил наблюдение в камере Кати. Сначала смотрел, как она плачет, обхватывает себя руками и раскачивается из стороны в сторону. Маленькая... какая же она маленькая... Так и хотелось сжать её в объятиях до хруста костей. Это его заслуга, что к ней никого не подсеяли.

Когда же впервые увидел, как она снимает трусики, озверел. Перестал дышать. Не помнил даже, как встал, закрыл кабинет и снова к монитору. Перемотал, благо на записи стояло, ремень на брюках расстегнул, член, налитый кровью, вынул. Егор думал, сейчас яйца лопнут. Дрочил, как последний придурок, пока не кончил себе на руку и на пол. Потом долго матерился. У него такого стояка и оргазма не было черте знает сколько времени. А от чего? Только увидел, как Катерина снимает трусики. Млять, да там даже ни куньку, ни задницу видно не было. Стирает она их, млять!

У капитана Егора Потапова рвало крышу.

И тут, как гром среди ясного неба – доставят Генерала. На хера, спрашивается? Потапов от ярости едва стену в туалете не разбил. Сидит же вместо него двойник, чего ещё надо?!

Хуже было только то, что Егор знал Ковалю не первый год. Тот захаживал к ним в отделение иногда, у него дела с Шараповым были. Какие – история умалчивает, да и в случае этих двоих как нельзя лучше подходит присказка «меньше знаешь – крепче спишь».

О привычке Ковалю трахаться, когда тому хреново, не знал только ленивый. В прошлый раз лучших шалав столицы привозили. Сегодня – тишина. Холодный пот подобрался к капитану незаметно. Значит, для него другую припасли.

Кого – не сложно догадаться.

Его Катю!

Его!

Потапа бы не колотило так, если бы Катя не была девочкой. Ну, были у неё мужики, у кого их сейчас к двадцати годам нет? Но когда девочка достаётся ему чистенькой, свеженькой и уплывает к захапущие руки Ковалю – тут другое. Генерал же от неё ничего не оставит! Во все дырки поимеет! Он же будет её трахать несколько часов подряд! Всю раздолбит. Опытные шлюхи и те от него выходили помятыми, потрепанными и едва держались на ногах.

А Катя?...

Поэтому Потапов пил. Не мог не пить.

И от Генерала её он тоже уберечь не мог.

От кого угодно укрыл бы, морду лично набил, пистолет ко лбу приставил.

Только не от Руслана Ковалю.

Что он не сдох в Саравии? И в плену был, и в передрягах, под обстрелами. Нет, сука, вернулся живехонький, целехонький, да ещё звания поперли одно за другим.

Поговаривали: зверьем стал похлеще любого.

Плевать.

На всё плевать...

Он, капитан Потапов, не из брезгливых. Он Катерину и после Генерала подберет.

Придется. Перебесится немного и успокоится. А пока...

- Нет.

Катя собиралась драться. Она не знала как, но собиралась. С заведенными за спину руками сложно. Но у неё оставались зубы и ноги. Она не подпустит к себе Потапова. Потребуется завтра, чтобы провели медицинскую экспертизу, сняли побои. А если он её изнасилует, и это зафиксировать. Врач указала, что она девственница, и никто её не смел тут пальцем трогать. Никто!

Легко подумать, легко решить и невозможно воплотить в жизнь, когда мужчина по одному только определению сильнее, надвигается в твою сторону, и у тебя желудок сводит от страха, мерзости и отвращения.

Инстинктивно Катя ноги свела сильнее. Не дастся...

- Катя-Катя-Катерина, что же ты глупишь-то? А? Давай по-хорошему, и я буду добр. Помогу. Потом.

Его «потом» она даже не заметила. Зря.

- Не подходите.

– Ты мне угрожаешь?

– Нет. Просто не подходите. И верните меня в камеру, – она смотрела на приближающего мужчину, не моргая. – Вы меня не для допроса вызвали. Вы...

– Рот закрыла.

От наглости, от грубости Катя на мгновение опешила. Пусть она и не росла вне цивилизации, не была наивна, как могло показаться окружающим. Судьба уберегала её от злых и нехороших людей. Но никто никогда с ней не разговаривал в таком тоне, словно она на самом деле последняя шлюха, продающая тело на трассе.

Катю учили, что нельзя грубить людям, что необходимо держать дистанции, уважать собеседника. Тогда и к тебе так будут относиться. В школе её даже дразнили – Екатерина Великая. Она лишь улыбалась в ответ. Те, кто дразнил, в конечном итоге становились её хорошими друзьями.

В том городке с населением в двадцать тысяч она была вполне счастлива. Зачем, спрашивается, уехала?

Потапов надвигался на неё.

С запозданием Катя попыталась встать. Надо было раньше. Потому что как только она сделала попытку, тяжелая мужская рука толкнула её назад, и только чудом Катя не завалилась на бок. Зато отклонилась назад. Руки в наручниках сильно сковывали маневры, от неудачного и жестокого толчка, болью прострельнуло в правом предплечье.

– Сидеет, – гортанно зарычал мужчина, окончательно теряя человеческий облик. Помутневшие от алкоголя глаза опасно блестели.

Не успела Катя отреагировать, как он навис над ней. Его широкая ладонь надавила на плечо, не давая ей возможности выпрямиться, причиняя ещё большую боль.

– Только рот открой, – угрозы сыпались одна за другой. – Тебе тут никто не поможет, поняла? А я тебе гарантирую: в камеру посажу таких товарок, что мои прикосновения тебе ласками трепетными будут казаться! Поняла, спрашиваю? Поняла, ты меня?

Второй рукой он сжал её подбородок. Ногами же грубо растолкал её колени в сторону, вклинился между ними.

На Катю накатила волна тошноты. От алкогольных паров, смешанных с мужским потом, от самого Потапова, что навис над ней, от осознания чудовищности происходящего.

Она может закричать. И что дальше?... Вот что? Придут его сослуживцы. Посмотрят и закроют дверь. Даже если помешают насилию, что будет завтра? Потапова не уволят, его даже на ковер к начальству не вызовут.

Ворон ворону глаз не выколет.

– По... поняла.

Ничего она не поняла. И не хотела.

Она должна выбраться отсюда... Из его кабинета.

Её мозг отключился. Как и семь дней назад, на трассе. Она словно видела себя со стороны. Испуганная до чертиков и не знающая, что предпринять.

Между тем мужская ладонь опустилась на голое колено.

Мерзко...

Господи, как же мерзко!

Словно мерзкое насекомое присосалось, а скинуть не представляется возможным.

Потапов задышал чаще, на лбу выступила крупная испарина, глаза лихорадочно заблестели.

- Каааатттыяя...

Катю душила истерика. Глухая, застрявшая комом в груди. Ещё немного, и девушка задохнется.

Да, пусть она упадет в обморок... пожалуйста... лишь бы не видеть мерзкой рожи Потапова.

Катя даже не сразу поняла, что они больше не одни. Не услышала, как отворилась дверь, отреагировала, лишь когда услышала гневное:

- Потап, ты совсем охренел? У тебя тут чё происходит? Страх совсем потерял?

Пришли.

Кто-то пришёл и поможет ей. Предотвратит насилие.

Странно, но у Кати не возникло чувства облегчения. Некий ступор.

Она медленно повернула голову в сторону двери и увидела ещё одного мужчину в полицейской форме. Тоже вроде бы капитан.

- Деза, ты не вовремя.

- Конечно, мать твою. Шарапов бы тебе башку оторвал, тогда бы я был не вовремя. Ты чё творишь, придурок?

- Заткнись.

Можно было ожидать, что капитан поднимется с корточек, оставит её в покое. Но нет - сильнее сжал колено, приглушенно зарычал. Как зверь.

- Чё заткнуться-то? Коваль уже в камере своей, давай... Её ждет.

Коваль?

По спине Кате точно разрядом тока прошлись.

Она вспомнила!

Вспомнила...

Глава 3

И снова коридор.

Серый, безликий.

На этот раз им не попался никто, ни единая душа. Ещё Катя обратила внимание, что её вели в крыло, где она не была. С другой стороны, она что, знала всё расположение полиции? Да и какая разница.

Предплечье болело, колено, за которое держался Потапов, неприятно ныло. Катя специально сосредоточилась на физиологических особенностях организма, чтобы ни в коем случае не думать о том, что ей предстоит.

Её ведут к Ковалю... С ума сойти.

Неужели вот так?... Запросто?... Сами представители закона? В голове не укладывалось, и привычный мир, вера в то, что добро всегда побеждает зло, что есть справедливость на этой грешной земле, что ты не одна, что защищена, что тебя просто так никто не обидит, таяла на глазах. Рассыпалась в прах. Развеялась.

Катя чувствовала горький привкус во рту. Не то крови, не то того самого пепла. Она прикусила щеку, чтобы не сорваться на крик, когда в кабинете слушала относительно спокойный разговор двух полицейских. Мужчин при погонах. Призванных защищать и оберегать.

Вел её тот, кого Потапов называл странно – Деза. Мужчина славянской внешности, а имя странное. Катя снова думала не о том.

Так легче.

Они прошли до конца коридора. Остановились перед большой металлической дверью. Кстати, без окон. Даже без наблюдательного глазка. То есть человек, который находился за ней, не желал, чтобы за ним наблюдали. Никто. Ни единая душа. У Кати свело желудок.

– Лицом к стене, – короткий приказ, который Катя сразу же выполнила.

– Мля, вот у тебя задница, Тарасова, – прохрипел этот Деза и, не дав ей опомниться, коротко постучал.

Дверь открылась.

Изнутри.

Катя позабыла, как дышать. Может, она спит? Нет, правда? Она же не может находиться в тюрьме, в следственном изоляторе, или как он называется, она уже не помнила, запуталась. Не может, чтобы с ней обращались, как с шлюхой. Сначала один, потом второй. И вели к другому, к более влиятельному, сильному, как на заклинание. Других слов не было.

А он... тот, что находился в специальной камере, в которую доступ даже операм не было. Стучат, ждут, когда откроет. Боятся.

Последнее Катя понимала на бессознательном уровне.

– Проходи.

Голос опера воспринимался сквозь пелену.

И входить в камеру не хотелось. Если шла к Потапову с сомнениями, с тревогами, но тут ясно всё, как божий день.

Катя выдохнула и отошла от стены.

Переступила порог.

– Наручники с неё сними, – голос, ровный, холодный и между тем пропитанный насквозь металлом. Других ассоциаций у Кати не возникло.

Ей стало дурно от одного голоса. Так говорят люди, в чьих руках сосредоточена безграничная власть. Именно власть с большой буквы, и заключающаяся не просто в огромном денежном состоянии. Деньги лишь как дополнение.

Она не могла, не хотела смотреть на того, кто находился в камере.

Деза зашел ей за спину, грубо вздернул руки, заставив её поморщиться, и открыл замок. Катя с облегчением выдохнула и принялась растирать затекшие запястья. Дверь плавно закрылась за ней.

Долго прятаться Катя не могла, да и смысл? Отметив машинально покраснения на запястьях, она подняла голову.

И сразу же вздрогнула.

Она не знала, что ожидала увидеть. Она имела представление о внешности мужчины, к которому её привели. Видела вживую час назад, а то и меньше.

И всё же оказалась совершенно не готовой.

Мужчина стоял к ней спиной, что подтвердило её предположение, что камера открывалась не вручную, как-то иначе. Из одежды на нем только темные спортивные штаны. Переоделся. Чтобы насиловать удобнее было... Руки расставлены по ширине плеч. На стене.

Первое, что бросилось в глаза Кати – кожаные браслеты на запястьях. Красивое украшение, идущее ему.

А вот дальше... Дальше Катю накрыло паникой.

Мужчина был огромным. Именно таким он казался ей с расстояния. Конечно, воспаленное сознание преувеличило восприятие, но факт оставался фактом. Не менее метра девяносто, с широкими плечами, бугрящимися мышцами. Его торс – нечто. Такой же широкий, мощный. Словно перед ней не генерал, а бодибилдер. Катя мысленно усмехнулась – не перевелись богатыри на Руси...

Плечи у опального генерала ей не обхватить точно. Мощная, даже можно сказать, «бычья» шея. Затылок с коротко стриженными волосами.

Девичий взгляд скользнул ниже торса. Накаченные ягодицы. Катя некоторое время назад смотрела ролики из тренажерных залов. Так выглядели ягодицы мужчин, приседающих с большими весами.

Господи, о чем она думает...

Её мозг постоянно сублимировал. Не желал признавать действительность, подкидывал ей одну мысль нейтральнее, нелепее другой.

И всё же взгляд снова и снова возвращался к мужской спине. Если он такой бугай сзади, то что спереди?

И что в штанах?

Татуировка на левом плече. Разобрать, что именно изображено, не представлялось возможным, да и не ставилось цели.

Катя с силой сжала губы. Даже на расстоянии она чувствовала исходящую от Коваля тяжелую энергетику. Мужчина был в ярости. Он держался. Из последних сил.

Или... до её прихода?

Чтобы на ней ярость и выместить.

Ведь есть, наверное, такое. Когда мужчины идут к женщинам – к любовницам, к подругам, к продажным – чтобы оторваться по полной. Чтобы забыться. Чтобы

ярость свою спустить.

Вот и с ней будут... спускать.

Большой и чертовски злой мужчина. Наделенный такой властью, которую она даже представить не могла.

Катино внимание полностью сосредоточилось на нем, словно выстроила мысленно коридор, огораживающий её от всего внешнего.

– Проходи.

Снова голос, от которого мурашки по всему телу, по ногам и коленям в том числе.

Он видит со спины? Или у него до такой степени обострены чувства, что он распознает человека на расстоянии?

Катя не могла сдвинуться с места.

– Проходи, я сказал.

Господи, сколько вот это «я сказал» она слышала за последнюю неделю? Даже не конкретно эти два слова, а интонация. Постоянные приказы, указы. Её ещё не осудили, а с ней обращаются хуже некуда.

– Зачем? – тихо, почти не размыкая губ, спросила Катя – Вы тоже желаете знать мокрые ли у меня после стирки трусики? Так посмотрите!

Катя нагнулась, и быстро переступая ногами, стянула трясущимися руками трусики.

А потом, повинувшись только инстинктам, среди которых не было самосохранения, кинула трусики в спину генерала.

* * *

Коваль обернулся.

Сделал два шага, нагнулся и поднял простые дешевые трусики.

– Не влажные, – сказал, усмехнувшись, и накрутил их себе на ладонь, как трофей.

Не спеша и не сводя взгляда с девушки.

Его боялись. Руслан уже привык к людскому страху. Ему иногда даже становилось смешно – вроде бы не зверствует, а разговоры-то разговоры. Они все играли ему на руку. Пусть говорят, кто же запрещает? Некоторые, правда, пресекал. Навсегда. Лишнего всё же иногда болтать не стоило. Одно дело в кулуарах, и другое – выдавать информацию, которую и знать-то не положено. Узнал? Забудь. Тогда, возможно, тебе повезет, и про тебя тоже забудут.

Отчасти поэтому Рус давно перестал обращать внимание на людской страх. Он с ним свыкся. После войны – тем более. Воздух пропитан страхом, им дышишь, он проникает даже в пищу, что тебе подают, и которую ты делишь с теми, кого называешь братьями.

Страх... Лишь эмоция.

Которой при нужном раскладе удобно манипулировать.

Испытывал ли страх генерал Руслан Коваль?

Уже нет.

И, несмотря на свою репутацию, надо заметить, небезосновательно, он не любил, когда его боялись.

Тем более, женщины.

Он просто перестал замечать страх.

Хочет человек бояться? Хочет, чтобы другие видели и замечали его слабость?
Пожалуйста.

Воробушек дрожала. Хохлилась, взгляда не отводила, сама же тряслась.

Красивая девочка, попавшая в настоящий зверинец.

И весь этот зверинец ходил под ним.

* * *

Если он давил, стоя к Кате спиной, то, когда повернулся, она думала, потеряет сознание, настолько сильные эмоции обрушились на неё, граничащие с шоком.

Она заставила себя дышать... Вдох-выдох.

Это просто человек.

Да, очень крепкий физически.

Очень.

Высокий, мощный, излучающий такую энергетику, что придавило к земле. И это не преувеличение. Или Катя до такой степени устала, что ей хотелось сесть? Вернее, присесть. Когда за тобой закрывается дверь с решетками, как-то сразу вспоминаются и некоторые блатные присказки. Глупость, конечно.

Обнаженная грудная клетка Ковалева притягивала взгляд не только такой же развитой мускулатурой, но и порослью черных волос. Не тонкой дорожкой, начинающейся внизу живота, а именно шикарной порослью. Даже красивой.

Часто подобный нюанс мужского тела, выступающий, как признак агрессивности, сексуальности, выносливости эксплуатировался в литературе и кино. Образ мачо, героя-любовника.

Почему же у Кати он не вызывал ничего, кроме полного отторжения? Нежелания принимать факта, что она находится в одной комнате с хищником. Она не ошиблась и мысленно не оговорила – Руслан Коваль был хищником. С его-то металлическим взглядом, что медленно скользил по ней. Изучал. Сканировал. Позволял хозяину делать выводы насчет неё.

А ей хотелось кричать. Выть и биться о стены. До крови.

Хуже взгляда только действия мужчины. Когда он обернулся и подобрал её трусики, у неё затряслись поджилки. Вид её нижнего белья в большой сильной ладони, которая, если сожмет ей шею, то сломает, показал, какая она дура. Что натворила? Кому что доказала? Что она смелая? Или что доведена до грани, за которой только пустота?

Хотелось закричать, чтобы вернул трусики.

Вместо этого она смотрела, как он двигается в её сторону. Шаг за шагом. А она не могла пошевелинуться. Куда было проще не видеть его лица, равнодушного взгляда, серого холода глаз.

– Про трусики мы всё выяснили. Теперь – в душ, – короткий кивок в левую сторону. – Там есть теплая вода. Помойся. И надень мою футболку.

Катя приоткрыла рот, сама не зная, что собирается сказать, но ей не дали.

– Не спорь, Катя. Иди и мойся.

Пока ты делаешь вид, что добрый, да, генерал? Молчи, Катя, прошу тебя, молчи...

* * *

Самой весомой причиной, почему она его послушалась был не страх. А обычная человеческая потребность в чистоте. Да ещё желание скрыться, остаться одной.

Катя прикрыла за собой дверь и прислонилась к ней. Закрывает глаза.

Что дальше?

Вымыться. Это первое. А потом... потом будет минут через десять.

Катя руками заставила себя оттолкнуться от двери. Понимала, ждать долго её никто не будет. Только разозлит и без того злого мужчину. Оно ей надо, такое «счастье»? Нет. «Счастья» ей привалило столько, что не разгрести.

Катя кое-как негнущимися пальцами стянула с себя платье. Где-где, а здесь камер нет. В этом она была уверена на сто процентов. Платье она аккуратно сложила и положила на небольшую раковину. Жаль, что нет возможности и его простирнуть. Теперь лифчик. У Кати была небольшая, но красивая грудь. Чуть больше второго размера, стоячая. Катя в глубине души гордилась своей фигурой, хотя и относилась к ней довольно ровно. Что природа дала, тем и пользовалась. Лифчик положила поверх платья. Интуитивно потянулась за трусиками, а их нет...Они остались в руках Ковалея. От этой мысли Катю бросало в холодный пот.

Стоп.

Вот стоп, Катя.

Не думай ни о чем.

Иди и мойся.

Она встала в душевую кабину и не смогла сдержать усмешки. Всё в лучших традициях. Для людей. А остальные подследственные? Но включив горячую, именно горячую воду, застонала вслух. Господи, как же мало человеку надо для счастья! Совсем чуть-чуть! Чувствовать себя человеком и только.

Горячая вода лилась и лилась... На голову, на спину, на плечи. Катя в первые минуты даже рук не поднимала, позволяла струям бить по телу, покалывать. Показывать, что она ещё живая. Что сволочи, возомнившие себя богами при жизни, не сломали её.

Пока.

На небольшой полке даже имелись шампуни и гели для душа. Мужские. Катя взяла шампунь, открыла, щедро плеснула нежно-синей жидкости себе на руку. Она и марки такой не видела. Не для простых смертных – точно.

Шампунь пах изумительно и промывал волосы отлично. Большого и не надо.

Потом гель для душа. Тоже мужской, с более ярким терпким запахом.

Пусть...

Была бы воля Кати, она бы стояла под струями воды вечность.

Но хорошего понемногу. Завинтив краны, Катя уперлась ладонями в стену душевой.

Ей надо пережить сегодняшнюю ночь.

Почему-то вспомнилась одна книга, автора она не помнила «Слеза океана». Действие романа разворачивалось в послевоенном Советском Союзе. Главная героиня, кажется, её звали Ирина, из-за жестокой страсти мужчины попадает в Гулаг. Или в лагеря. Катя не разбиралась в тонкостях. Лишь запомнила, как Ирина там пыталась выжить. Читая ту книгу, Катя поражалась силе героине, хотя девушке пришлось пережить столько насилия, что в хэппи-энд до конца не верилось.

Катя не считала, что она попала в аналогичную ситуацию. Всё-таки где книга, а где реальная жизнь. В книгах историю жизни пишет автор, во втором варианте зачастую – чужие люди. В её случае – Потапов, начальник полиции и Коваль. Даже при мысли о последнем мужчине Катя невольно свела ноги плотнее.

Он её возьмет.

Она не верила больше в чудо.

Вопрос в другом: насколько она сильная? Насколько в ней хватит духа, чтобы перенести насилие. Насилие бывает разным. С побоями, с травмами, с гематомами, с разрывами вагинальных мышц. Или другое насилие – моральное.

Когда ломаешь себя и подстраиваешься, чтобы избежать более страшной участи.

Кате предстояло решить, на что она будет готова. Даже не так. Если Коваль её будет жестко насиловать, бить, она ничего не сможет сделать. А если...

Катя собрала со стены остатки воды и провела влажной рукой по лицу, второй продолжая упираться.

Если ей хотя бы попытаться избежать травм. Такое возможно?

Она не строила иллюзий по поводу генерала Ковалья. Не тот человек. Да и хороший добрый мужчина не будет насиловать незнакомую девушку. Он же видел: она пришла не по своей воли. Её заставили.

И он её заставил тоже. Пойти в душевую, чтобы потом вернуться.

Проклятый ублюдок, чтобы ему гореть в аду. Вместе с Потаповым.

Последний не оставит её в покое. Только не после сегодняшнего. Катя заглянула ему в глаза и увидела там сумасшествие. Пусть капитан выпил, был пьян, но то, что он говорил, и как вел себя, выдавали в нем неадекватное состояние. Да и то, что он за ней следит. Зачем?

Катя мотнула головой, взялась за волосы, выжала их.

Пора возвращаться.

Лучше сама выйдет, чем за ней придут.

Обтерла тело полотенцем – кстати, белым, махровым. Катя видела такие только в фильмах. Просушила, как могла волосы. Потянулась за платьем, но вовремя вспомнила про футболку. Ей велено надеть её.

Хорошо.

Катя поискала футболку глазами и увидела за раковиной стул, на который небрежно были брошены футболка и брюки. Значит, её и наденет.

Она в ней утонула. Неудивительно. Где она и где генерал?

Дальше... Наверное, надо как-то прибрать волосы. Отыскала резинку, быстро распутала волосы, как могла, и заплела их в косу. По крайней мере, есть шанс, что они ещё будут в хорошем состоянии.

Всё.

Пора.

Катя выдохнула и направилась к двери.

Коваль сидел за невысоким столиком, на который она ранее и не обратила внимания. Или его не было? Нет, не могла она не заметить его. Значит, принесли. Катя застыла в дверном проеме. На столе еда из ресторана. Что-то замысловатое, она разобрала только лосось и морепродукты. Мясо – отдельная тарелка. Ещё имелась бутылка вина и два стакана. Стаканы не одноразовые, даже не пластмассовые, а хрустальные.

Коваль повернулся на звук открывающейся двери. Снова медленно, не спеша. Словно он находился на своей территории.

Может, так оно и было?

У Кати в который раз за последний час оборвалось сердце. Гулко ухнуло в груди, о ребра, отозвалось где-то в желудке. Глупые ассоциации, но именно так воспринимала девушка.

Какой же тяжелый взгляд у генерала! Ни толики нежности. Хоть улыбнулся бы что ли, черт возьми!

Она слишком много хочет...

Такие, как он, не улыбаются тем, кого собираются трахать. Кому будут ломать жизнь. Одним росчерком своего «хочу». Им плевать. Для них такие, как Катя, никто. Ничто. Одноразовая салфетка. Использовал и выкинул.

Глава 4

– Тебя снова приглашать?

Он был недоволен.

Голос сдержан, ни одной эмоции.

А чувство, что холодная сталь прикоснулась к спине.

Нет, к груди.

К тому самому истошно бьющему сердцу?

Катя всё понимала. Умом. Что её пустили под откос...

А глупые эмоции контролю не поддавались. Никак не могла с ними совладеть.

– Я не шлюха.

Снова слова сорвались с губ непреднамеренно.

Вот зачем... зачем...

Серые глаза опасно блеснули. Она видела этот гипнотизирующий блеск, не предвещающий ей ничего хорошо, даже на расстоянии.

– Я знаю.

Так просто.

Всего два слова.

И... ничего.

Совершенно.

Он, черт побери, знает. И ему всё равно.

Абсолютно.

Он отвернулся от неё, протянул руку, взял бутылку, вынул пробку. До этого кто-то штопором уже откупорил её.

На руке генерала всё так же были повязаны её трусики.

Девушка моргнула. Кожаные браслеты на руках и трусики на ладони – оригинально.

– У тебя есть выбор, – от его всё так же размеренного голоса Катя снова вздрогнула. – Перестать накалять ситуацию, раздражать меня своим бунтарством, пройти за стол, поесть по-человечески, выпить один бокал вина. Или закатывать истерику, кричать, что ты не такая и прочее. Последствия будут соответствовать твоему поведению. Выбор за тобой.

У Кати перехватило в горле, словно невидимая рука с невероятной силой сжала его. Шикарный выбор, ничего не скажешь.

И голос. Да таким не выбор предоставляют, а приговор выносят. Кем там был генерал Коваль? Силовиком? А смахивает на судью.

Катя заставила себя двигаться. Он четко дал понять, что раздражать его не стоит. Да и от еды – мяса! – отказываться глупо. Стоило подумать о еде, как голодный желудок громко, на всю комнату оповестил о том, что ужин она пропустила. Не могла есть, слишком сильно нервничала. Катя подозревала, что за неделю сильно похудела, первые дни ей кусок в горло не лез, она заставляла

себя есть, чтобы были хоть какие-то силы. Она должна продержаться.

Сегодня – тоже.

Катя прошла и, не глядя на Ковалю, села на второй стул. Близость чужого мужчины подавляла. Черт... Да такой амбал любую подавлять будет. Одни ручки чего стоят. А кисти? А плечи? Широкая грудь. Пока он только подавлял её своей звериной сущностью. Как человека она его не воспринимала. Именно – хищник. Жестокий и безразличный. Назвать его человеком язык не поворачивался. Они тут все нелюди.

Катя, тормози. Не распаяйся. Ты к какому выводу пришла? Что нужно вести себя как можно осторожнее, не перегибать палку. Не впасть в истерику. Дальше... Дальше будешь жить.

Она не решалась начать есть. Еда, красиво разложенная, с дурманящими запахами была не её. Не для неё. Поэтому Катя ждала дальнейших указаний. Чего ей стоило выдержать эти секунды, плавно перерастающие в минуты, она потом поймет.

– Накладывай и ешь.

Перед ней поставили бокал, наполненный наполовину. Коваль сказал: «Выпьешь один бокал». Не хотел, чтобы она напилась.

Катя положила на стоящую перед ней тарелку рыбу и жареные на огне овощи. Два куса тонко нарезанной мраморной говядины. До безумия хотелось сладостей, но в рацион мужчин они обычно не входили. А она бы не отказалась от шоколадно-молочного ломтика.

Они ели молча. Катя сделала один глоток вина. Наверное, дорогого. Ей было всё равно, она равнодушна к алкоголю, и его фактически не употребляла. Он ей был без надобности. Она больше ела. Как ни странно, но вкусно приготовленная еда пробудила в ней аппетит. Или это стресс давал о себе знать? Возникла потребность заесть отчаяние и страх, душащий изнутри. Именно еда, не вино, расслабили её. Немного. К вину она приложилась ещё два раза, не выпив и четвертую часть от налитого.

- Не пьешь?

- Не люблю. Спасибо.

Она даже его поблагодарила. Интересно, за что?

Смотреть на генерала не смотрела. Не могла. Посмотрит, увидит жесткое выражение на его лице, безразличный холод в глазах и снова скатится в истерику. Коваль - не Потапов. С Потапова, возможно, за неё и спросили бы, а вот после Ковалья... Нет.

- Поела?

- Да.

Перед глазами мелькали его руки... С такими же темными волосками, как и на груди. И тоже со сбитыми костяшками. Причем, кровь была свежей, до конца не запеклась даже.

- Тогда иди ко мне.

Всё.

Час икс.

Катя всё же подорвалась. Не выдержала.

- Я девственница.

Выпалила, непонятно на что рассчитывая.

- Это должно меня остановить? Я в курсе. Лишь по этой причине ты ещё не оттрахана.

Господи...

Да что он за человек?

Что они здесь вообще за люди?

Она, кажется, повторяется.

Катя всё же посмотрела на него.

Зря.

Её окатило штормовой волной. Как такое возможно? Сидит напротив мужчина, да, его внешность нетипичная, слишком фактурная, да ещё он полуобнажен. Но откуда осознание, что он намного выше тебя? И дело не в росте. Что он где-то на недосягаемом уровне, а ты... Ты только для его утех.

Катя поднялась. На дне его серых глаз она разглядела бездну. Ту самую, которую трогать, теревить, тревожить нельзя. Иначе откат затронет именно её, и от Кати не останется ничего. В прямом смысле.

Значит, знает... Даже смешно. Катя берегла себя, не ложилась под парней, не хотела. Её воспитывали правильно: оберегали, следили, чтобы она не гуляла допоздна, говорили, что она встретит ТОГО, единственного. С которым проживет долгую и счастливую жизнь. Катя верила. А почему бы и нет? Каждый человек создан для счастья. Для любви.

Не для насилия.

Сейчас же ей попользуются. В тюремной камере. На полу или у стены. Или где-то ещё.

Где ему приспичит.

Катя обошла стол.

Подошла.

Коваль тем временем поменял позу. Сел боком, расставил ноги чуть шире.

Ей, наверное, надо встать между них?

Она ничего не знала.

Лишь кровь стучала в висках.

– Присядь на корточки.

Нет-нет-нет...

Её же не минет сейчас заставят делать?

* * *

Присела.

Не могла не присесть.

– Не бейте меня, – Катя выдохнула, озвучила единственную просьбу, на которую могла в данной ситуации получить положительный ответ.

– Почему решила, что буду бить?

– Не знаю... – это уже сказала совсем тихо.

Она смотрела на его живот. Упругий, натренированный. Без единой складки. Ещё одно подтверждение, что мужчина, в чьей власти она оказалась, может её скрутить, не напрягаясь.

Расслабиться и получать удовольствие – не её вариант. От слова «совсем».

– Будь умницей, и всё будет хорошо.

Катю так и подмывало спросить: товарищ генерал, вы серьезно? Что всё будет хорошо? Ничего хорошего её в перспективе не ожидало! Только боль и срок.

Как ни готовилась Катя, как ни настраивала себя, всё равно не смогла сдержать судорожного вздоха, когда мужчина дотронулся до подбородка и силой заставил приподнять голову. Его пальцы обжигали, клеймили. Пусть пока и не оставляли следов, но впереди вся ночь. Долгая. Нескончаемая.

Он прищурился. Всматривался в её лицо и, казалось, что-то решал.

Пожалуйста... пожалуйста...

Если бы Катю в тот момент спросили, о чем именно она просит, она бы не нашлась, что ответить. О помиловании? О милосердии? О понимании?

Не с ним. И не от него.

Она не знала, сколько лет генералу, по виду сорока нет. Не становятся в России генералами такими молодыми...

Его глаза гипнотизировали. Взгляд жесткий, царапающий кожу, и с каждым проходящим мгновением всё больше погружающий Катю в адову пропасть. Жаль, она в своё время так и не прочла Данте, знала бы подробнее про круги, могла бы определить, куда именно её спустили.

– Рот приоткрой.

Лаконично и сурово.

Она не смогла. Замешкалась. Какие-то доли секунд собиралась с духом.

Её промедление не понравилось Ковалю. Он прищурился сильнее и, не отпуская её подборок, большим пальцем ощутимо надавил на нижнюю губу, потянул вниз, насильно заставляя его слушаться.

Спohватившись, Катя приоткрыла рот.

Только не минет... только не минет...

Большой палец скользнул дальше, вглубь рта. Чуть солоноватый, с привкусом еды и запахом крови. По-мужски крупный. И ассоциирующийся не с пальцем, а с половым органом. Пусть Катя за все свои двадцать лет ни разу не видела члена вживую, интернет и порноролики никто не отменял. Как и девичьего любопытства. Катя помнила, как первый раз начала смотреть. Включила и сразу же выключила. Походила по комнате и повторно включила через пять минут. Смотрела с широко распахнутыми глазами, дыша через раз. Позже Катя поймет, что не на тот ролик напоролась. Поэтому девушка представляла, что такое грубый секс, когда тебе в рот вгоняют член по самые яйца. Грубо, но факт.

Пусть лучше будет палец.

- Оближи его.

Снова лаконично и сурово.

Генерал привык так говорить.

Потому что знал - сделают так, как он велит. Ни шага влево, ни шага вправо. Иначе - расстрел.

Как только мужской палец оказался у неё во рту, Катя убрала язык, чтобы не соприкоснуться. Видимо, зря.

Облизать?...

Как?...

Как мороженое или «чупа-чупс». Наверное, так.

Давясь, Катя сделала, как он велел. Чуть-чуть лизнула и не заметила, как у мужчины на несколько мгновений задержалось дыхание. Оборвалось. Как он смотрел на неё, не моргая. Смотрел более чем сурово. И в его взгляде читалось то, что она по причине своей неопытности, нежелания вникать в мужскую сущность, находящаяся на грани нервного срыва и думающая лишь о том, как

остаться целой сегодняшнюю ночь, не распознала. Не увидела. А там было.

Катю снова внутренне затрясло. Ноги начали затекать, да и босыми ступнями стоять на холодном кафеле было дискомфортно. Она не позаботилась об обуви после душа. Глупо.

- Ещё.

Что ещё?

- Ещё оближи. Пососи фалангу.

Он считывал её, как раскрытую книгу.

Она снова послушалась. Делала неопытно, не пыталась понравиться.

- Ноги разведи и задери край футболки.

А вот от этого приказа свело мышцы живота, в груди зажгло, но, как не странно, глаза у Кати оставались совершенно сухими.

Она хотела отстраниться назад, вытолкать палец изо рта, но сразу же почувствовала, как хватка на подбородке усилилась. То есть делать следует всё одновременно?

Одной рукой Катя нащупала край стола. Удобнее было бы упираться в мужское колено, найти в нем опору, но Кате подобная мысль даже в голову не пришла. Меньше контакта с генералом – целее нервы. Вторую руку она положила себе на бедро. Вот и край футболки. Надо выше, так он сказал?

Хорошо.

Дрожащими, неслушающимися пальцами, ставшими чужими, Катя положила раскрытую ладонь поверх футболки и заскользила вместе с тканью кверху. Выше, ещё выше. Отголоском сознания понимала, что раз Коваль отдал подобный приказ – не просьбу – он желает видеть её.

Там.

А теперь чуть расставить ноги, вернее развести колени. С этим сложнее. Катя на медосмотре у гинеколога, всегда женщины, стеснялась невероятно.

Поражалась, какой ум придумал гинекологические «растопырки» или как они правильно назывались? Кресло? Одно дело врач, он должен видеть, а мужчина... Тоже должен?

Ответ она получила вскоре.

Должен.

Хватка подбородка чуть ослабла, потому что внимание мужчины сместилось. Вниз. Взгляд, если такое возможно в случае Коваля, потемнел, стал ещё более тяжелым. Как и само его дыхание. Катя, сидя на корточках между расставленными ногами генерала, не могла не заметить его возбуждение. Как увеличился бугор на его ширинке.

Она его возбудила.

Катя замерла, перестав работать языком. Палец во рту мешал, пришлось чуть раскрыть губы. О том, что можно дышать ещё и носом, не вспомнилось.

Казалось, время замерло.

Мужчина молчал и смотрел.

Воздух в комнате сделался настолько густым, осязаемым, что ощутимо давил на плечи Кати. Ноги затекали всё сильнее, от неудобной позы и от общей слабости она едва держалась. Ещё немного и упадет, свалится кулем на пол.

А сверху приляжет генерал.

Катя от отвращения едва не передернулась. Хорошо, что сдержалась. Мужчина, что находился рядом, не понял бы её, истолковал бы по-своему. В принципе, правильно бы и истолковал, потому что, в отличие от него, у неё ни о каком возбуждении речи и не шло.

Ей был известен такой феномен, как стокгольмский синдром. О нем не слышал только ленивый. Катя как-то даже читала статью про него. И не понимала, как можно полюбить, испытывать жалость, сострадание, влечение к тому, кто тебя держал в плену и, возможно, издевался и насилывал. Это мерзко и гнусно. Скорее всего, на каком-то этапе происходила психологическая ломка. Катя надеялась, что с ней такого не случится.

Отстраненно она осознавала, что находится в обществе красивого мужчины. По-мужски суровой, грубой красоты. Тело – хоть на обложку журнала.

Только ей такого счастья не надо. Но кто же её спросил?

– Встань.

Её мысли оборвали. К лучшему.

С подбородка и губ убрали давление, и Катя негромко выдохнула. Ей сказали встать? Кажется, да.

Она, кое-как опираясь всё на тот же стол, поднялась.

– Снимай футболку и ложись на кровать.

Глава 5

Всё.

Началось.

– Я...

Она не хотела ничего говорить, потому что бесполезно. Её никто не услышит. Просить? Молить? Не имеет смысла. Не для того её привели к этому зверю.

Самцу.

– Лучше молчи, – хриплый голос, севший, наполненный сдерживаемой похотью, которую Катя не в состоянии была различить, прошелся грубой наждачкой по воспаленному сознанию девушки. По коже, царапая, сдирая до крови, причиняя фантомную боль.

Её загнали в ловушку. Выхода не было.

Катю грела лишь одна мысль... Одна...

Такие мужчины, как Руслан Коваль, всегда платят.

Она повернулась в сторону кровати. Сделала два шага. Потом ещё два. Выдохнула. Так, теперь раздеться.

С этим сложнее.

Катя никогда не обнажалась перед мужчиной. Она не стеснялась своего тела, на пляже не комплексовала, но даже для купания выбирала закрытые купальники, считала, что показывать тело – излишне. Зачем? Какой смысл?

А теперь ей предстояло обнажиться перед незнакомым мужчиной.

Что ж. Надо было быть внимательнее на той дороге. Катя, ты отняла жизнь у человека – это часть твоего наказания. Принимай.

Она взялась за края футболки и резко вздернула руки кверху, сдирая с себя чужую вещь.

Катя волновалась настолько сильно, что шум собственного сердцебиения заглушал остальные звуки, иначе бы она услышала, как шумно втянул в себя воздух Коваль. Но для неё было только лучше, что она находилась к нему спиной, не видела голодного, прожигающего взгляда и темного пламени на дне серой бездны. Как напряглась мощная фигура генерала, словно он готовился к прыжку.

Катя сняла футболку и повесила её на спинку кровати. По коже побежали пупырчатые мурашки, всё-таки после душа она не успела обсохнуть. Выпитое вино не грело, да и что она выпила, крохи.

Пришёл черед ложиться.

Катя, стараясь вести себя максимально естественно, не скатываться в истерику, что волнами то и дело подкрадывалась к сознанию, откинула покрывало и забралась на кровать. Сразу же захотелось укрыться по голову, спрятаться, как в детстве, истинно веря, что если ты никого не видишь, то и тебя никто не замечает.

Она сдержалась. Повыше натянула покрывало, но максимально постаралась, чтобы её жест не выглядел убого.

Она не будет играть роль жертвы, кричать, визжать, звать на помощь.

Да, такие, как Коваль, всегда платят...

И всё же её сердце скатилось куда-то в область желудка, когда генерал поднялся.

Слишком высокий. Слишком крупный. Взгляд Кати метнулся в область ширинки на штанах. Выпуклая. Скорее всего, и там... прилично.

Вот в такие секунды начинаешь сожалеть, что не попробовала, не узнала, как это по обоюдному согласию, а не когда тебя раскладывают.

Ладно... Не время сожалеть.

Катя чуть сдвинула голову, вроде бы и не отвернулась, но и на Ковалья не смотрела напрямую. Сил нет.

Но её уловка плохо сработала. Мужчина подошёл к кровати, при этом он двигался совершенно бесшумно, что при таком росте поразительно. Наверное, обучался. Хотя ей какая разница? Он остановился, едва не касаясь ногами матраса, и начал раздеваться. Быстро. Сначала брюки, потом боксеры.

Катя не могла не отреагировать. Да и не смотреть тоже не могла, когда едва ли не рядом с тобой, с твоими глазами...

Ноги соответствуют телу. Такие же прокаченные, мускулистые. Отчего-то вспомнился фильм про спартанцев. Коваль бы идеально вписался в их компанию. ТАМ тоже поросль волос, и член... эрегированный.

Большой.

Коваль не красовался, разделся и сразу же сел на кровать. Протянул руку и забрал у неё одеяло, обнажая её полностью.

- Лишнее.

- Мне холодно.

- Сейчас согреешься.

Он лег рядом, но Кате отчего-то казалось, что на неё. Она интуитивно попыталась отодвинуться, но ей не дали.

- Кудааа...

Вот тут Катя и рассмотрела, именно рассмотрела в его голосе рычащие нотки.

Её накрыло.

Как она удержалась и не завизжала, не начала сопротивляться, отталкивать его, для неё останется секретом.

Коваль притянул Катю к себе, и её затопило волной невообразимых эмоций. Разум кричал: расслабься, дура. Это как раз тот случай, когда злить мужика не стоит. Не бьет, пока не зверствует, вроде как даже на ласку настроен. Прилег рядом, сразу не навалился. А сердце и душа вопили от боли и страха, от несправедливости. Их выворачивало, ломало, а сделать ничего нельзя.

Когда Коваль немного подмял её под себя, и его губы впились в её, Катя даже не поняла. Не успела. Пара движений, и её притянули, прижали, подмяли. Чужие губы, немного жесткие, пахнущие вином, напористо ласкали её, да так, что она невольно задрожала, забилась. И всё же уперлась руками в его грудь, ощутив всю силу мужского тела. Если бы она уперлась в камень, был бы тот же эффект, только камень не теплый – вот и всё различие.

– Руки убрала, – Руслан оторвался от её губ лишь на мгновение, но его хватило, чтобы Катю снова ошпарила холодная, бессердечная сталь.

Девушка дышала очень тяжело, прерывисто. В одночасье мужчина заполонил всё пространство вокруг, стал всем. В постели, наедине друг с другом, когда между ними не осталось даже воздуха, он стал восприниматься еще мощнее. А она казалась себе совсем крохотной. Рука, что он просунул ей под шею, могла без особого напряжения сломать эту самую её шею. Просто зажать и всё.

Катя послушалась.

– Пожалуйста...

– Так, Катя, слушай меня и внимательно, – он не набросился на неё снова, зато прищурился и непонятно, что страшнее, учитывая, что его эрегированный член нагло и требовательно упирался ей в бедро. – Я помню, что ты девственница. Но ты не маленькая девочка и знаешь, зачем тебя сюда позвали. Будешь зажиматься, отталкивать меня, возьму силой, а потом отправлю на х... к себе в камеру в соплях и крови. Я хочу трахаться. Хочу трахать тебя. Ясно выразился?

Куда уж яснее, ублюдох чертов.

– Да. Просто я... Дайте мне время.

– Дал уже.

И взгляд, точно бритва скользнул сначала по её припухшим губам, потом вниз к груди. Соски от холода встали и теперь торчали горошинками, делая на себе акцент.

– Хорошо... хорошо, я вас поняла...

Катя попыталась снова вернуть внимание генерала на себя. Ей не нравилось, как он смотрел на её грудь.

Словно съесть хотел.

Это вообще нормально, такие взгляды? От которых не то, что успокоиться, собраться с мыслями невозможно.

А желание... Серьезно кто-то воспламеняется? Увлажняется? Хочет? Помилуйте...

Катя подняла руку и дотронулась до мужского плеча. Огладила его. Сбежала вниз к татуировке.

Приглушенный стон потонул на её губах, когда Коваль снова набросился на них. Он целовал её жестко, требовательно, властно просовывая язык внутрь. Катя покорно принимала его. Ей надо подстроиться под Ковалья, и тогда всё будет хорошо...

Наверное.

Он оставил её губы, и, нагнув голову, зацепил губами сосок. Поиграл с ним, пососал, прикусил слегка, не больно, но и приятного мало. Катя втянула в себя живот, которого после вынужденной диеты и вовсе не наблюдалось. Когда же мужская рука легла ей на лоно, коснулась сначала волосков, а потом и попыталась втиснуться сквозь намертво сведенные бедра, ей захотелось закричать.

Она среагировала быстрее, чем генерал снова бы сделал ей замечание. Развела ноги, дала ему возможность прикоснуться к себе.

Она была сухой. Катя чувствовала, как её трогают, не входя внутрь, перебирают складки, разводят их.

– Смочи себя.

Коваль убрал пальцы и переместился.

Теперь он нависал над ней.

Темноволосый, загорелый, возбужденный.

Катя поднесла к губам пальцы, максимально много выделила слюны и увела руку книзу. Смочила. Только поможет ли ей это?

– Расслабься, иначе я тебя порву.

Его хриплый голос сводил с ума. Лицо слишком близко, Катя чувствовала горячее дыхание на щеках и губах.

Ей пришлось развести бедра ещё шире, потому что он не умещался. Вклинился, своими бедрами толкнул её.

А потом грязно выматерился, начиная входить в узкое лоно.

Катя, находясь на грани, действуя, как женщина, ищущая защиты хоть в ком-то, прильнула к нему, подалась вперед. Её разрывали на части. Она знала, что терять невинность больно. Но, Господи, не так же...

Коваль вошёл полностью. Она чувствовала его в себе. Чувствовала, как жесткие паховые волосы упираются ей в горячее лоно, ставшее невероятно нежным. Сама Катя вжалась в тело генерала, уткнулась лицом ему в грудь. Попыталась дышать, но у неё плохо получалось. Нет, слишком больно...

– Всё... всё...

Он её успокаивал?

Этот насильник?! Этот... генерал, мать его ети! Гладил по голове своей здоровенной ручищей и думал, что ей станет легче? Когда внутри всё распирает?! Когда то, что хранила для любимого, вот так... растоптано, потому что «хочу трахаться»?

Катя прикусила губу до крови.

Она не двигалась, пыталась подстроиться. И горько усмехалась в душе. Всё кончится скоро. Она узкая, он должен кончить быстро.

Только бы вытерпеть...

Коваль задвигался. Не спеша. Даже можно сказать осторожно. Боль немного притупилась, не отдавала огненной лавой в поясницу и живот, не сводила судорогой внутренности. Она просто была. Расцветала внутри Кати алым цветком, опалая бедра кровью.

Катя попыталась отстраниться от груди генерала, поняв, что всё-таки жива, что снова может дышать, что больше не нуждается в иллюзии заботы и сожаления.

Но наткнулась на жесткий захват.

Её никто не собирался отпускать. Коваль распластал пальцы на её затылке, удерживая её в своих руках, и ритмично двигался, вбиваясь в неё, расширяя и подстраивая под себя. Катя то опускала руки, то невольно цеплялась за мужские плечи, не в силах совладеть с собой.

Когда же всё...

Когда...

– Мляяяать...

Всё.

Глава 6

Коваль не спешил покидать её, а у Кати уже тряслись ноги от напряжения. Ей хотелось приподнять бедра и столкнуть его с себя. Сколько можно?...

Генерал чуть отодвинулся и посмотрел ей в лицо. Катя, находясь в ловушке его рук, не смогла спрятаться. На лбу у мужчины испарина, губы плотно сжаты, даже немного побледнели, на скулах ходят желваки от напряжения.

Что-то не так.

Это поняла даже неопытная Катя.

Подтверждением стало ещё одно ругательство Ковалю, приглушенное, после которого он сдвинулся, окончательно освободив её. Вместо облегчения Катя досадливо поморщилась и невольно потянулась книзу живота рукой.

Её перехватили.

- Не надо, там кровь.

А то она не в курсе!

Что бросилось Кате в глаза – это собственные трусики, так и намотанные на ладонь генерала. Как трофей.

- Мне бы...

Она попыталась привстать, но всё та же рука пригвоздила её к матрасу, упав тяжестью на живот.

- Лежи.

Черт, что он задумал? Ему мало?

Катя откинулась на подушку, прикусив губу.

Ночь только начинается.

– Сейчас вытру тебя.

А вот это лишнее.

Катя снова хотела привстать, и снова ей не дали.

– Лежи я сказал! Чего дергаешься? – его слова напоминали рык.

– Да что вы кричите и приказываете постоянно... – Катя всё же не выдержала. Ещё не хватало разреветься, когда дело уже сделано. – Мне больно. Я под вас и так подстраиваюсь. Не кричите...

В его глазах мелькнуло что-то странное, но Кате уже было всё равно.

Она увидела, как он разматывает её трусики с ладони и начинает ими вытирать кровь.

– Нет! – Катя всё же села, неловко сжимая бедра с рукой Ковалья между ними. – У меня они одни и...

– Завтра получишь другие. Ноги разведи.

Катя открыла рот и закрыла.

Ей больше нечего было сказать.

Она позволила ему себя обтереть, а потом он отправил её в душ. Она кое-как дошла на трясущихся ногах. На бедра, испачканные кровью и его спермой, не смотрела. Он кончил не в неё, на живот и частично на бедра. Запоздало Катя подумала, что ни о каком презервативе речи не велось.

Катя не помнила, как мылась. Как голой возвращалась снова в комнату, где на кровати её ждал Коваль.

– Ложись.

– Снова?... – вопрос сорвался самопроизвольно.

Катя застыла, не в состоянии сдвинуться с места.

Мужчина усмехнулся, и от его усмешки у неё мушки заплясали перед глазами.

– Я бы не прочь... Поверь уж. Но у тебя там саднит всё. Ложись спать.

Он встал, и тоже, как был обнаженным, пошёл в душ.

Отчего-то Катя, забираясь на матрас, отметила, что кожаные браслеты на запястьях он так и не снял.

Она лежала и ни о чем не думала. Совершенно. Смотрела в потолок и не поняла, как её глаза сомкнулись, и она провалилась в спасительную дремоту.

* * *

КОВАЛЬ

Ему хотелось её не любить, даже не трахать, а драть. Жестко. До легкого повизгивания, когда уже глотка устает стонать. Когда эмоции на грани, на пределе. Когда несколько раз уже сучка кончила, а он нет, не удовлетворился, и ему всё мало. И он продолжает вколачиваться по самые яйца, доставляя и ей и себе дикое удовольствие.

Воробушек вызывала в нем ещё большую лавину желаний.

Ему было откровенно плевать на её страх, на то, что её к нему привели. Она не пришла по доброй воле. Плевать. Он её хотел. Точка.

Вид её нижних губок в первые секунды ввел его в ступор. У Генерала была слабость, о которой мало кто знал. Постоянные любовницы, может, и догадывались, но вслух не произносили – пресекал. Догадывались, потому что он раз за разом просил показать себя. Коваль любил смотреть на половые губы

партнерш, на вагину. На дырочки. Он частично относил себя к вуайеристам. Смотреть, как другие занимаются сексом, не любил, хотя и приходилось много повидать в горячих точках и на Востоке. Трахались многие в одной комнате. Хотя Ковалю сложно назвать приверженцем вуайеризма. Какой нормальный здоровый мужик не любит рассматривать тело партнерши?

Она не спорила. Не противилась. Идеально выполняла его команды.

И не пыталась ему понравиться.

Вообще.

Делала, что говорил. Дрожала. Прячала глаза. Отводила их в сторону. Боялась. Частично молчала.

И ни хрена не стонала. Не получала удовольствия под ним.

С одной стороны, Русу было до одного места, получает она удовольствие или нет. Он и так сдерживался. Сильно. Да, пожалел. Не отодрал сразу, как того требовала его природа и зашкалившая, бьющая ключами ярость. Он даже несколько раз вдарил по стене, вымещая агрессию. Иначе бы точно порвал. Зашла в камеру, и по херу, перед глазами кровавая пелена. И девка, которую можно нагнуть.

Так было бы.

Сдержался.

Её выходка с трусиками позабавила. Немного.

Специально отправил её в душ, хотя мог и грязную взять. Не такое бывало.

Это он давал время себе остыть.

Ага, остыл, мать её ети.

Смотрел на трусики на руке и представлял Воробушка голенькой, под душем.

Даааааа...

Расслабился, генерал, называется.

Накрутил себя ещё больше. Хорошо, что еду принесли. И без коньяка. Нахерачился бы и тогда точно в разгон пошел.

Вышла. Стоит, сучка маленькая, в глаза не смотрит. Вот и правильно, милая, не надо... Ему хватило её взгляда там, в коридоре. Тогда его и понесло. В камере – лучше поостеречься. Он бывает скор на руку.

Многое в его дальнейшем поведении определила её куночка. Красивая. Мля, чертовски красивая. Аккуратные губки. Закрытые. Волосков мало, светлые. Сбрить их или лучше под эпиляцию, чтобы совсем чистенькой была. У него сперло в зобу от вида. Смотрел бы и смотрел. И запретил бы Воробушку носить трусы совсем.

Мля, совсем рехнулся. Честное слово. Мозги поплыли от всей кутерьмы, что на него накатила.

И девочка-целочка в придачу.

Ему было охрененно с ней. Крышесносно. Узкая. Очень. Еле вошел, опять же сдерживаясь. Порвет – будет хуже. Навсегда у девчонки оставит негатив от первого раза. Негатив и так будет, тут понятно, но не в высшей мере, когда страх и отвращение. А ему мало... Ему долбить её хочется. И не только в узкую щелку.

Генерала остановила кровь на её бедрах.

Всё-таки первый раз...

А ещё он представил и... сразу оборвал себя.

ЕЁ нет.

Всё. Внутри – пустота.

Руслан уложил Катю себе на грудь. Пусть кровать и была полуторкой, намного удобнее, чем в обычных камерах, она и для него одного маловата была. Но Воробушка он отпустить не собирался. Не насытился ещё.

Пусть поспит, маленькая.

Она была легкой. Пятьдесят килограмм-то весит? Наверняка и голодала последние дни. Сколько она под следствием? И на чем её взяли? Шарап говорил или нет? Он накрыл их обоих простыней, хотя в камере было душновато. Надо сказать, чтобы сплит-систему установили, дышать нечем.

Генерал прикрыл глаза. Со своим организмом он давно договорился. Он ему секс, тот ему сон. Всегда и везде. И без сновидений.

* * *

Катя проснулась от странного ощущения, что на неё смотрят. Глупо, конечно. Кто на неё будет смотреть в камере, где она одна?

Была и другая странность. Она лежала на чем-то непонятном. Абсолютно ей не знакомом и определить никак не могла... Мягкое, горячее и одновременно теплое.

Двигается под ней. Дышит, её тело приподнимает совсем чуть-чуть.

Катя резко распахнула глаза и едва не закричала.

Она полулежала распластанная на груди Руслана Ковалю.

Мужчина так же проснулся и смотрел на неё, одну руку закинув за голову, второй по-собственнически удерживая её за талию под одеялом. Проснулся он намного раньше её, в его глазах не наблюдалось сонной поволоки.

С Катей случился шок.

То, что произошло с ней вчера, беспощадной правдой обрушилось на Катю. Каждая картинка, каждый эпизод, начиная от встречи в коридоре. Мерзкое отношение Потапова, его сальный взгляд и отвратительное дыхание. Конвоир, который и конвоиром не был, а такой же опер, ведущий её к Ковалю.

И сам генерал.

Как она могла уснуть на нем? На его теле? Более того, проспав всю ночь, ни разу не проснувшись? В следственном изоляторе она постоянно просыпалась, ей всё время что-то мерещилось: голоса, звуки, она боялась, что к ней поделят ещё кого-то или войдут, пока она беспомощная во сне.

А тут вырубилась, иначе и не скажешь. Проспала! Всю ночь! Словно на своей родной кровати, в то время, когда она была ещё счастлива и надеялась только на лучшее.

Катя смотрела на Ковалю, тот на неё. Пристально смотрел, изучающе.

Катя не знала, что говорить, как себя вести. По логике, он должен был её вчера отправить к себе в камеру. Зачем оставил? Да ещё позволил спать, расположившись у него на груди. Ему, наверное, неудобно было. Какая же ты, Катя, неисправимая дура. Кто о чем, а она думает о том, что мужчина, который вчера прошелся по её судьбе берцами, не выспался.

Хотя правильно и делает, что думает. Не выспавшийся мужчина – злой мужчина.

– Привет, – его осипший после сна голос не показался ей злым. Или она не окончательно проснулась?

– Доброе утро, – ответила Катя, зашевелилась, хотела сползти с Ковалю к стене, но рука, сжимавшая талию, остановила. Ощутимо напряглась, говоря вместо хозяина: лежи, как лежишь и не дергайся.

А Кате же хотелось избавиться от ощущения мужского тела. Любой тактильный контакт с ним вызывал отторжение у девушки. Она помнила, что он с ней творил

ночью, какие слова говорил. В какие условия ставил. И единственное, что ей теперь хотелось – чтобы он отпустил её. Позволил уйти. Пусть её камера не такая комфортная, и есть вероятность подселения, а после вчерашних слов капитана, она даже не сомневалась, что больше не будет одна, она хотела избавиться от любого общества. Ей хотелось одиночества. Иллюзии, что она ещё что-то решает.

Катя интуитивно облизнула пересохшие губы, не подозревая, что вид розового кончика языка сыграет с ней злую шутку. Она лишь успела отдаленно осознать, что тело мужчины напряглось. Рука, что удерживала за талию, сместилась, распластавшись на её пояснице, и чуть надавливая.

Дальше события происходили слишком быстро. Они позволили Кате на себе испытать, насколько сильным и ловким был мужчина, с которым она оказалась запертой в одной камере.

Пара секунд... Одна... вторая...

А её уже перевернули. Более того, она оказалась внизу, на матрасе, лицом, едва ли не уткнутом в подушку, что пропахла запахом дорогого парфюма Ковалю. Катя даже толком среагировать не смогла, понять.

Генерал оказался сзади. Навис темной тенью. Его согнутые в локтях руки опустились по обе стороны от головы Кати, а горячее дыхание прошло по лопаткам и плечам девушки. Катя замерла. Вот те раз... Вот тебе и пробуждение. Её организм частично ещё спал, не желал просыпаться и окунаться в жестокую действительность. Пошло полное отрицание происходящего. Но тревожный колокольчик в голове уже звенел, трепыхался, пытаясь сказать хозяйке, что не стоит долго медлить, пора активировать защитные функции, инстинкт самосохранения.

Катя уперлась лбом в подушку.

Она даже не кожей чувствовала Ковалю. Каким-то интуитивным зрением, словно видела их со стороны.

Как он распластался за её спиной, навис. Как его огромное тело полностью покрывает её миниатюрное.

И это только начало.

Потому что Катя чувствовала и как его уже эрегированный член упирается ей в поясницу... чуть ниже... в копчик...

Утро началось хуже, чем могло быть. Или Катя настолько наивна, что один не в меру горячий и возбужденный мужчина воспринимался ей слишком остро?

– Разведи ножки в сторону, маленькая.

Катю повело. Маленькая? Серьезно? Ей что слышится в голосе генерала Ковалю нечто отдаленно напоминающее ласку? Не надо...

Катя сильнее вжалась в подушку, цепляясь руками за простынь, сминая её. И одновременно сантиметр за сантиметром заставляла непослушные ноги двигаться, разводя их. Видимо, слишком медленно, потому что генерал решил ей помочь. Не грубо, но настойчиво и не давая ни единого шанса даже на мысль о сопротивлении или неповиновении, развел ноги своими ногами. Кате пришлось подстраиваться. Он устроился между ними. Катя обнаженная, на Ковале лишь боксеры, но даже через них она ощущала его большой и довольно толстый член.

– Что ты опять зажимаешься, – его дыхание щекотало шею, значит, лицо находилось рядом.

Катя зажмурила глаза. Даже хорошо, что он её перевернул. Она сомневалась, что смогла бы спокойно видеть его лицо. Он убрал одну руку с подушки. Для того, чтобы ей пройтись по позвонкам Кати, спуститься вниз, прикоснуться к пояснице и далее к ягодицам. Сжал сильнее, ошутимее. Рефлекторно Катя тоже их сжала. Сзади послышался смешок. Коваль не спешил отпускать, распластал пальцы сразу на обе ягодицы. Снова чуть сжал.

И лишь потом продолжил спускаться к тому месту, которое его интересовало больше всего.

Катя с такой силой сжала зубы, что те заскрежетали. Хорошо, что не слышно из-за подушки.

Мужские пальцы довольно собственнически дотронулись до её нижних губ.

- После ночи ты влажная, - голос генерала прозвучал почти довольно.

А Кате впору было рассмеяться и спросить: Руслан Анатольевич, а вы о такой вещи, как женские ежедневные выделения не в курсе?

Но смех у неё застрял в горле, потому что палец нырнул внутрь, растягивая и проверяя, насколько она готова.

Катя ни черта не была готова!

Его палец орудовал внутри, дыхание оставляло след на коже. То, что Коваль находился сзади оказалось давило не меньше, чем если бы она видела его лицо. Не иметь возможности знать, что сейчас предпримет мужчина - мука.

Хотя...

Она знала.

Вернее чувствовала.

И громко застонала, когда он начал в неё входить. Приподнял её попу кверху, чтобы удобнее было, и плавно начал проталкиваться пальцем.

Катя запаниковала. Инстинктивно подалась вперед, желая отползти, вырваться из цепких загребущих рук Ковалья.

- Нет...

- Тихо... тихо... Тихо, я сказал!

Куда уж тише. Она и так лежала, не сопротивлялась, а то, что не смогла перебороть инстинкты, это нормально в её ситуации.

- Больнее будет...

Гад! Гад и сволочь! Неужели такому, как он, шлюх мало? Какого он на неё набросился? На неопытную? Ему в удовольствие вот с такой напряженной, дрожащей от страха?

Зачем...

Коваль вошёл полностью и, как вчера, дал ей время привыкнуть к себе. Привыкнуть получалось плохо. Боль отозвалась внизу живота, правда, она немного отличалась от той, что была вчера. Катя приподняла голову, хотела посмотреть на мужчину, но ей не дали - на шею легла рука и несильно надавила, возвращая её голову в подушку.

Получается, Коваль не хочет, чтобы она на него смотрела? Да пожалуйста! Катя приказала себе не двигаться. Пусть снова насилует. Лишь бы потом отпустил. Она стерпит. Она вынесет всё.

Видимо, Судьба у неё такая. Расплата.

Катя ненавидела каждое движение генерала Коваля внутри себя. Она ЕГО чувствовала. Остро. На всю длину. Зажмурившись, Катя ждала. И считала. Толчок. Ещё один. И ещё. Более глубокий. За спиной не то рычание, не то стон. А вот в первое она вполне в состоянии поверить. Потому что за её спиной самый что ни на есть настоящий хищник.

- Какая же ты...

Коваль не договорил, Кате же было неинтересно. Не надо ей ничего знать. Не надо... Какая она для него и так понятно.

Он кончил, выплеснув семя на поясницу Кати. Хватка руки, удерживающей её шею, сразу же ослабла. Катя ждала, что он руку уберет - нет. Большим пальцем мужчина начал делать движения, очень сильно напоминающие ласку.

Выходить и освободить Катю от себя генерал не спешил. Катю так и подмывало попросить его, черт возьми, наконец-то слезть с неё, но она по

понятным причинам молчала.

И снова ждала.

– Ладно, хорош на сегодня, – проговорил мужчина над её ухом, и давление с тела исчезло.

Катя не спешила переворачиваться или вставать. Лишь свела ноги вместе, даже голову с подушки не подняла.

– Сейчас за тобой придут. Проводят тебя в камеру.

Его слова вернули Катю в действительность, она повернула голову на голос. Лучше бы не делала. Потому что Руслан Коваль стоял рядом с кроватью, абсолютно голый и с ещё не опавшим членом. Мужская сексуальная агрессивность не могла не давить.

– У меня нет трусиков, – это единственное, что волновало Катю на данный момент. Она в здании, полном мужчин. И теперь её низ ничем не прикрыт. Доступен.

– Будут. Принесут в течении пятнадцать минут.

О как.

– Спасибо.

А что она могла ещё сказать?

Катя кое-как поднялась. Болело всё тело. Особенно низ живота.

Она прошла в ванную, где поспешно сполоснулась. Её отпускают, а, значит, надо уходить. Пока не передумал. Смыла с себя следы так называемой генеральской любви, сполоснула холодной водой лицо, натянула платье и обула балетки. Волосы никак не желали собираться в приличный хвост, расчески в комнате, предназначенной для мужчины, не наблюдалось. Несмотря на то, что Катя находилась в полиции, неряшливой выглядеть не хотела.

Генерал стоял снова лицом к стене.

- Дверь открыта.

Катя кивнула и, ничего не говоря, направилась к ней.

Глава 7

Камера встретила Катю тишиной. К ней никого не подселили.

Девушка прошла к кровати и села на неё, положив руки на колени.

Что дальше?

В голове не было ни одной здоровой мысли. Нездоровой, кстати, тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/kistyaeva_marina/devochka-dlya-generalala

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)